

Ratio economica: Учитель или ученик

Константин Сонин

25.03.2008, №53 (2075)

Если вы спросите учителей московских математических школ о том, что является основной компонентой их феноменальных успехов, то они наверняка ответят, что главное — это наработанные годами методики и составленные задачи: недаром их копируют по всему миру. И мало кто будет говорить о сложной системе отбора детей, которая включает и олимпиады, и математические кружки, и рекомендации учителей обычных школ пойти на эти олимпиады и в кружки. Учителя — профессионалы, много лет работающие внутри системы, — выделяют только один компонент этой системы — качество преподавания и методики. А ведь не исключено, что «эффект отбора» здесь на самом деле важнее.

Другой пример. У нас в стране есть вузы, обладающие особыми правами по созданию образовательных стандартов, — например, Московский государственный университет им. Ломоносова. Эта система немножко абсурдна сама по себе — если методики хороши, их и так будут перенимать. Университеты всего мира перенимают опыт Гарварда и Оксфорда, да и того же МГУ вовсе не потому, что у них есть какие-то специальные полномочия, но разговор не об этом. Считая, что методики и стандарты какого-то отдельного вуза должны перениматься остальными, мы снова невольно выделяем только один компонент системы — качество методики. При том что нет никаких оснований — например, серьезных статистических исследований — отвергать «эффект отбора».

Получается, что сами того не осознавая, мы часто придерживаемся слишком ограниченного представления о реальности. В данном случае, рассуждая о качестве образования, мы думаем и действуем на основании только одной упрощенной модели реальности, не учитывая других вариантов.

Вот две модели вуза, кажущиеся на первый взгляд не просто упрощенными, а совершенно карикатурными. В первой модели акцент сделан на качестве вуза: на том, как устроена учебная программа, каково качество преподавателей и материальное благосостояние вуза. Главное во второй модели — качество студентов: результаты выпускников зависят только от их способностей. Казалось бы, легко возразить: нет таких отдельных моделей. Необходимо и то и другое. Но вспомните об учителях математических школ и об МГУ, о которых говорилось выше, — сложившиеся правила и представления очень часто выведены исключительно из первой модели.

Теперь вопрос: как, наблюдая за достижениями выпускников вуза, узнать, какая из двух моделей верна — первая или вторая? Ответ: никак нельзя. Чтобы узнать ответ на этот вопрос, т. е. определить «добавленную стоимость» образования, нужно не просто сравнить жизненные пути выпускников и тех, кто — при тех же способностях! — не пошел в вуз, а определить все возможные скрытые характеристики этих людей, которые могли повлиять на решение идти в вуз или не идти. Профессионалы скажут, что тут и исследовать нечего: хорошее образование требует и высокого качества обучения, и высокого качества абитуриентов. Однако на практике слишком многое из того, что делается в области образования и науки, опирается только на одну из моделей — либо на примат качества вуза, либо на примат качества студента.

Почему на вопрос о том, что именно создает добавленную стоимость образования, все-таки нужно ответить? Потому что для системы российского высшего образования закончилась «эпоха выживания». Теперь, когда денег на высшее образование достаточно, распределение денег зависит от того, хороши наши ведущие вузы из-за «эффекта методики» или «эффекта отбора». Если приглядеться внимательно, оказывается, что часто и здесь мы объясняем тот или иной результат первой моделью, в то время как вторая более реалистична, — и, значит, практические выводы должны быть другими.

Например, тезис о том, что советская структура образования в области естественных наук была эффективна, многим представляется бесспорным. Соответственно, снижение уровня выпускников математических и физических факультетов объясняется снижением уровня финансирования, отъездом ведущих ученых за границу, ухудшением материальных условий студентов и т. п. Все эти факторы важны, но, возможно, имеют второстепенное значение по сравнению с эффектом самоотбора студентов. В СССР в физику и математику шли молодые люди, которые в обществе, где возможен свободный выбор специальности, становятся предпринимателями, политиками, учеными тех направлений, которые раньше были фактически запрещены. Если верна гипотеза о том, что советская организация естественных наук была неэффективна и впечатляющие результаты возникали лишь по специфическим, не связанным с организацией науки причинам, то план научного возрождения, основанный на увеличении финансирования существующих вузов и академических институтов, заведомо обречен на провал.

Автор — профессор Российской экономической школы

Постоянный адрес материала: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article.shtml?2008/03/25/144273>